



Марк Твен

Рассказ о дурном мальчике

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159326

Марк Твен «Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Рассказы»: Художественная литература; Москва; 1971

Марк Твен

Рассказ о дурном мальчике

Жил на свете дурной мальчик, которого звали Джим. Забудьте, что в книжках для воскресных школ дурных мальчиков почти всегда зовут Джеймс. Но, как это ни странно, мальчика, о котором я хочу рассказать, звали Джим.

Не было у него больной матери, умирающей от чахотки, благочестивой матери, которая рада бы успокоиться в могиле, если бы не ее горячая любовь к сыну и боязнь, что, когда она умрет и оставит его одного на земле, люди будут к нему холодны и жестоки. Большинство дурных мальчиков в книжках для воскресных школ зовутся Джеймсами, и у них есть больные матери, которые учат их молиться перед сном, убаюкивают нежной и грустной песенкой, потом целуют их и плачут, стоя на коленях у их изголовья. А с этим парнем все обстояло иначе. И звали его Джим, и у матери его не было никакой болезни – ни чахотки, ни чего-либо в таком роде. Напротив, она была женщина крепкая, дородная; притом и благочестием она не отличалась и ничуть не тревожилась за Джима. Она говорила, что, если бы он свернул себе шею, потеря была бы невелика. На сон грядущий Джим получал от нее всегда шлепки. Прежде чем отойти от его кровати, мать награждала его не поцелуем, а хорошим тумаком.

Раз этот скверный мальчишка стащил ключ от кладовой

и, забравшись туда, наелся варенья, а чтобы мать не заметила недостачи, долил банку дегтем. И после этого его не охватил ужас и никакой внутренний голос не шептал ему: «Разве можно не слушаться родителей? Ведь это грех! Куда попадет дурной мальчик, который слопал варенье у своей доброй матери?» И Джим не упал на колени, и не дал обет исправиться, и не пошел затем к матери, полный радости, с легким сердцем, чтобы покаяться ей во всем и попросить прощения, после чего она благословила бы его со слезами благодарности и гордости. Нет! Так бывает в книжках со всеми дурными мальчиками, а с Джимом почему-то все было иначе. Варенье он съел и на своем нечестивом, грубом языке объявил, что это «жратва первый сорт». Потом он добавил в банку дегтю и, хохоча, сказал, что это «очень здорово» и что «старуха взбесится и взвует», когда обнаружит это. Когда же все открылось и Джим упорно и начисто отрицал свою вину, мать больно высекла его, — и плакать пришлось ему, а не ей.

Да, удивительно странный мальчик был этот Джим: с ним все происходило не так, как с дурными мальчиками Джеймсами в книжках.

Однажды он залез на яблоню фермера Экорна, чтобы наворовать яблок. И сук не подломился, Джим не упал, не сломал себе руку, его не искусала большая собака фермера, и он потом не лежал больно много дней, не раскаялся и не исправился. Ничего подобного! Он нарвал яблок сколько хотел и благополучно слез с дерева. А для собаки он заранее

припас камень и хватил ее этим камнем по голове, когда она кинулась на него. Необыкновенная история! Никогда так не бывает в нравоучительных книжках с красивыми корешками и с картинками, на которых изображены мужчины во фраках, котелках и коротких панталонах, женщины в платьях с талией под мышками и без кринолинов. Нет, ни в одной книжке для воскресных школ таких историй не найдешь.

Раз Джим украл у учителя в школе перочинный ножик, а потом, боясь, что это откроется и его высекут, сунул ножик в шапку Джорджа Уилсона, сына бедной вдовы, хорошего мальчика, самого примерного мальчика во всей деревне, который всегда слушался матери, никогда не лгал, учился охотно и до страсти любил ходить в воскресную школу. Когда ножик выпал из шапки и бедняга Джордж опустил голову и покраснел, как виноватый, а глубоко огорченный учитель обвинил в краже *его* и уже взмахнул розгой, собираясь опустить ее на его дрожащие плечи,— не появился внезапно среди них седовласый, совершенно неправдоподобный судья и не сказал, став в позу:

– Не трогайте этого благородного мальчика! Вот стоит трепещущий от страха преступник! Я проходил мимо вашей школы во время перемены и, никем не замеченный, видел, как была совершена кража!

Нет, ничего этого не было, и Джима не выпороли, и почтенный судья не прочел наставления проливающим слезы школьникам, не взял Джорджа за руку и не сказал, что такой

мальчик заслуживает награды и поэтому он предлагает ему жить у него, подметать канцелярию, топить печи, быть на побегушках, колоть дрова, изучать право и помогать его жене в домашней работе, а все остальное время он сможет играть и будет получать сорок центов в месяц и благоденствовать. Нет, так бывает в книгах, а с Джимом было совсем иначе. Никакой старый хрыч судья не вмешался и не испортил все дело, и пай-мальчик Джордж получил трепку, а Джим радовался, потому что он, надо вам сказать, ненавидел примерных мальчиков. Он всегда твердил, что «терпеть не может слюнтяев». Так грубо выражался этот скверный, распущенный мальчишка!

Но самое необычайное в истории Джима это то, что он в воскресенье поехал кататься на лодке – и не утонул! А в другой раз он в воскресенье удил рыбу, но, хотя и был застигнут грозой, молния не поразила его! Да посмотрите вы хоть все книги для воскресных школ от первой до последней страницы, ройтесь в них хоть до будущего рождества – не найдете ни одного такого случая! Никогда! Вы узнаете из них, что все дурные мальчики, которые катаются в воскресенье на лодке, непременно тонут, и всех тех, кто удит рыбу в воскресенье, неизбежно застигает гроза и убивает молния. Лодки с дурными детьми всегда опрокидываются по воскресеньям, и, если дурные дети в воскресенье отправляются на рыбную ловлю, обязательно налетает гроза. Каким образом Джим уцелел, для меня остается тайной.

Джим этот был словно заговоренный,— только так и можно объяснить то, что ему все сходило с рук. Он даже угостил слона в зоологическом саду куском прессованного жевательного табака — и слон не оторвал ему голову хоботом! Он полез в буфет за мятной настойкой — и не выпил по ошибке азотной кислоты! Стащив у отца ружье, он в праздник пошел охотиться — и не отстрелил себе три или четыре пальца! Однажды, разозлившись, он ударил свою маленькую сестренку кулаком в висок, и — можете себе представить! — девочка не чахла после этого, не умерла в тяжких страданиях, с кроткими словами прощения на устах, удвоив этим муки его разбитого сердца. Нет, она бодро перенесла удар и осталась целехонька.

В конце концов Джим убежал из дому и нанялся матросом на корабль. Если верить книжкам, он должен был бы вернуться печальный, одинокий и узнать, что его близкие спят на тихом погосте, что увитый виноградом домик, где прошло его детство, давно развалился и сгнил. А Джим вернулся пьяный как стелька и сразу угодил в полицейский участок.

Так он вырос, этот Джим, женился, имел кучу детей и однажды ночью разможил им всем головы топором. Всякими плутнями и мошенничествами он нажил состояние, и теперь он — самый гнусный и отъявленный негодяй в своей деревне — пользуется всеобщим уважением и стал одним из законодателей штата.

Как видите, этому грешнику Джиму, которому бабушка

вoroжит, везло в жизни так, как никогда не везет ни одному дурному Джеймсу в книжках для воскресных школ.